

Вячеслав Бублеев

Ронин, танго и война

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-312.4
ББК 84-4
В99

В99 **Вячеслав Бублеев**
Ронин, танго и война / Вячеслав Бублеев – М.: Lennex Corp, — Подготовка
макета: ООО «Книга по Требованию», 2018. – 194 с.

ISBN 978-5-519-49830-2

Главный герой – кузнец Богдан из далекого хутора и его сербские друзья получают шанс к приличной жизни. Благодаря колдовству соседки Богдана друзья узнают о церковном кладе. С того момента все, смешалось в жизни кузнеца. Ему пришлось пройти огонь, воду и медные трубы – искушение славой и деньгами. И это последнее испытание чуть не стало для него роковым. Ах, кабы знать раньше, куда приводит колдовство! Подчас смешное, иногда пугающее повествование романа наполнено спецификой южнорусского темперамента. Из этой фантасмагории постепенно вырастает история настоящего человека, способного пройти через все жизненные трудности. Во многом роман «Ронин, танго и война» предварил революционные события в бывшей братской республике.

ISBN 978-5-519-49830-2

© Lennex Corp, 2018
© Вячеслав Бублеев, 2018

В. Бублеёв

РОНИН, ТАНГО И ВОЙНА

*Рассыпались в прах чувств нежных мимозы...
Но все же я имею надежду, что розы – белые розы –
Бутоны раскроют под тихим дождем,
Весной расцветут в имении моем.
Что сейчас не имею имения – для роз не имеет значения...*
(Идзин)

«Ронин» буквально означает «блуждающий человек». Термин возник в яп. 奈良时代

(Нара дзидай от 710 н.э. 794)

Москва
2016

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)
Б 24

Бублеёв В.
Б 24 Ронин, танго и война. – М.: Книга по Требованию, 2016. – 194 с.

Главный герой – кузнец Богдан из далекого хутора и его сербские друзья получают шанс к приличной жизни. Благодаря колдовству соседки Богдана друзья узнают о церковном кладе. С того момента всё смешалось в жизни кузнеца. Ему пришлось пройти огонь, воду и медные трубы – искушение славой и деньгами. И это последнее испытание чуть не стало для него роковым.

Ах, кабы знать раньше, куда приводит колдовство!

Подчас смешное, иногда пугающее повествование романа наполнено спецификой южнорусского темперамента. Из этой фантасмагории постепенно вырастает история настоящего человека, способного пройти через все жизненные трудности.

Во многом роман «Ронин, танго и война» предварил революционные события в бывшей братской республике.

ISBN: 978-5-519-49830-2

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

ISBN: 978-5-519-49830-2

© В. Бублеёв, 2016
© Книга по Требованию, 2016

Пролог

Хутор наш простецкий. Без малого двести лет уже стоит он в степи, забытый Богом и цивилизацией. До железной дороги сто двадцать километров, до ближайшей станицы – пятнадцать.

Основал его есаул Махов, коему за ратные подвиги в турецкой компании нарезали кус земли. Кус от войскового отвода. На сто верст – целинная непаханная земля, где паслись казачьи табуны.

Обжились казаки. Решили они по заповеди предков церковь поставить. Деньги собирали всем миром. Начали в русско-японскую, перед Первой мировой закончили. Что ж, неспешные были времена. А церковь, вернее, Никольский храм, славная получилась, деревянная, с резными балясинами, не официозная, скорей, домашняя, уютная. По бумагам – Никольский храм, а в народе Церквь.

Случилась Первая мировая война. Сотня Маховских казаков первой очереди на фронт ушла под колокольный перезвон Никольского храма.

А храм после революции закрыли. Звонницу свернули, колокола утащили. Церковь же устояла.

В 43-м году в хутор пришли румынские части Вермахта. Вместе с ними пришел и румынский православный поп. Согнали народ на службу. Поп прочитал молитву и отворил ворота храма, начал служить. Однако не сложились отношения у хоторян с оккупантами. Недаром и досе в хуторе индюков румынами зовут – такие же шумные и наглые. Румыньяги в хуторе вели себя захватчиками. Небольшой латунный колокол дзинькал по утрам, призывая народ православный на службу. Не пошел народ к румынскому попу, так что все больше батюшка своих же и причащал, и отпевал, и благословлял. И

шли благословленные попом солдаты грабить казачьи курени! Виши ты, вера-то одна, а понятия разные!

Приставленный к румынскому попу ездовой из местных казаков в церкви бывал и гутарил, что натаскали в нее румыны серебряных окладов и золота. Офицеры лом золотой, не скупясь, жертвовали. Все для спасения душ собственных. Не помогло!

В зиму погнали наши немцев из-под Сталинграда. А вместе с ними побежали и румынские части.

Местное население сидело по погребам, пока супостаты спешно собирались в отступление. Когда же румыны побежали, ездовому приказали срочно запрягать сани. Думал он отсидеться, да не вышло. После ранения пришел он в хутор на побывку и попал под оккупацию. В маленьком хуторе не спрячешься. К казакам же власти германские относились без хамства. Геббельс ихний даже казаков ариями провозгласил. Однако, если такой арий не выйдет на работу, значит, саботаж и расстрел. А у того казака рука была ранена – трохи его в службе безопасности помурыжили. Когда же выяснили, что отец его активно участвовал в восстании, описанном Шолоховым, то и отстали, идейно просветили и определили его по ранению попа возить, иначе бы в полицаи принялись записывать, да рана спасла казака.

Поп сильно его работой не заваливал, в душу не лез и даже симпатизировал Красной армии, иногда нелестно отзываясь о новоявленных хозяевах мира. Говорил он нараспев, с малороссийским акцентом, так, что можно было подумать, что тот поп из наших хохлов.

В этот же раз был он строг и требователен. На ездового смотрел хмуро. С приставленными солдатами принял добро церковное паковать. На сани ящиков минометных доверху навалили. Поп сверху сел, и молодой солдат-румыненок запрыгнул.

– Гони, казак!

Завозился поп и отстал от своих. Румынская часть по перепаханному сотней сапог грязному насту отходила в сторону церковных полей. В десяти верстах от хутора была земля, когда-то принадлежавшая церкви. Так и прозвались те поля Церковными.

Принялись отступающую часть нагонять. Однако перегруженные сани вязли в мокром снегу. Казак же думал, как ему сбежать, но солдатик румынский глаз с него не спускал и винтовкой грозился. Худой, бородатый поп румынский сидел, нахохлившись, молча и отрешенно.

Тернисты пути Господни и неисповедимы. Одному горе, другому счастье – все на его усмотрении. Прошли двенадцать верст от хутора и попали под обстрел. Пролетела шальная мина, чмокнулась в снег и не разорвалась. Подхватился казак, погнал что есть мочи лошадей, но вторая мина прошуршала рядом и рванула. Зацвенькала кровь у попа из горла, а румыненок с воза слетел, винтовка осталась на возу. Тут возничий, не будь дурак, развернулся и – ходу! Тяжело шли кони, боялся казак погони. В горячке не заметил он, что у него из-под лопатки кровь идет.

Влетел и ему осколок мины. Стал он терять силы. На спуске за Ужовым курганом скинул ящики минометные в заброшенный колодец и на сани упал уже без сознания. Кони его с убиенным батюшкой вывезли в хутор, прямиком к церкви.

То, что мертвый поп вернулся к храму, истолковали как знак и батюшку похоронили по всем правилам. Все-таки настоятель был храма! А казак оклемался. Винтовку – «манлихер» румынский – под застreu спрятал (на всякий случай) и возвратился в Красную армию. В составе Кавказского корпуса он дошел до Вены. О месяцах же, проведенных под ок-

купацией, никогда и никому не рассказывал. Оно и понятно – и не за такое в Сибирь отправляли.

Никольский храм то открывали, то вновь закрывали. В пятидесятых годах налетел на хутор ураган, ливнем затопило курени под скаты, река в одночасье русло свое поменяла, ветром снесло купола и кресты с церкви – плохой знак. Больше церковь не открылась, использовалась то под клуб, то под склады. Замазали синей краской лики святого Николая-угодника. Три года до перестройки не дотянул храм – разрушили его. Хотели на месте его дом культуры возвести, да походили заложенные фундаментом плиты под землю. Ничего на том месте не смогли построить. Иконы еще раньше бабушки по домам разобрали втайной надежде, что когда-нибудь откроют их Церковь, а ее раскатали по бревнышку, разорвали тракторами...

Ноне. 12.30 пополудни

– Э-эх! А так хорошо начинался этот день! И вот! Вот и отстроил храм... – думал я и держал в зубах вторую обойму бронебойных патронов. Первая забита была в магазин винтовки...

А что делать? Жить-то хочется! И друзей спасти хочется! А кто-то из рода ромалэ хотел смерти моей!

К «ромалам» вообще я неприязни не испытывал. Да и как я мог испытывать к цыганам неприязнь, ежели совместно с цыганчатами произрастали мы в нашем хуторе, аки чертополох, на вольных просторах развитого социализма! В школу одну с ними ходили и играли вместе. Уводили коней с фермы, чтобы покататься.

Закончился социализм. Все разъехались кто куда, и разошлись наши пути-дороженьки!

Нет, никак не мог я испытывать неприязни к цыганскому роду-племени. А вот так сложилось, что либо они меня, либо я их положу здесь, сколько успею. Для того и держал я вторую обойму в зубах, чтобы, не мешкая, перезарядить винтовку.

В другой раз может и избежал бы я стычки, сманеврировал бы в кусты и быстро-быстро! А ноне не мог, потому как держал оборону родного хутора. Не один – с друзьями. Но у них оружия не было. А теперь так стал вопрос, что надо защитить...

Ромалэ, супостаты, шли по мою душу, а могли и хутору урон нанести. И было их числом более пятнадцати, на трех машинах, одна из которых – броневик. Потому забиты были в магазин моей винтовки бронебойные патроны...

Меня зовут Богдан. Есть у меня давнишняя мечта – хочу отстроить наш Никольский храм. Разорвали его тракторами в конце восьмидесятых...

В то время, когда я родился, Бога в нашей стране не было. Во всяком случае, по официальной версии властей. Родители мои ходили в стилягах и назвали они меня Богданом. Значит – Богом данный. Звучно и смело и в пику уставшимся традициям развитого социализма. Именно этот смысл и вложен был ими в мое имя. Я их не помню. Они пропали. Я же воспитывался своим дедом. Он учил меня не сować свою голову, куда ... па не пролазит. Неслухманный был я ребенок. Вот и результат!

Я осторожно снял винтовку с предохранителя, и небо мое стало размером с овчинку, а потом и вовсе сузилось до просвета между мушкой и целиком. Ухало мое сердце, а мысли скатились до банального подсчета – скольких супостатов успею я уложить? Прежде чем...

Ах, кабы раньше знать мне...

Куда приводит колдовство

Топтал я свою стежку-дорожку бесхитростно. Школа, потом поступил в институт. Призвали в армию. После службы заехал в хутор деда своего проведать, а встретил ее...

Появилась из-за угла сначала ее грудь, а потом все остальное. Такое же красивое! За все на свете забыл я, и полетели жаркие денечки. Закружила меня Жалюшка, заколдовала. Так и стал я хуторским ковалем, пошел по дедовым стопам. К двадцати двум годам обзавелся собственным домом, сыграл богатую свадьбу. Но тут-то и сделал я крюк с тропы налево! Только не в том смысле, как можно было бы сразу подумать!

Издревле повелось у нас так, что народ в хуторах чуть-чуть приколдовывает. А как иначе? В сельском хозяйстве все в подспорье хозяину! К примеру: корова первый раз с база выходит, и ее через передник переводят, чтобы дорогу на баз всегда знала. И всяких таких действий много. Прочно эти действия вошли в быт хуторянина, являясь удобным способом ведения хозяйства. И уж точно никто из хуторских не подумает, что колдует, потому как колдовство, по хуторскому разумению, это когда «все летает, и громы и маланьи шибають во все стороны!» А ежели трохи погодку подправить или какого огородного вредителя отшептать в глубокую ночь на перекрестке – так то ж баловство! Оно и хорошо, абы не во вред окружающим. Ибо ворожба – дело опасное, и если переборщить, то можно и «получить»! Здесь требуется разумение, а с амбициями да без разума итог бывает очень печальным. И я тому живой пример.

Была у меня в хуторе соседка. Женщина дородная, возраста пенсионного, заслуженный работник торговли.

Во время оттепели шестидесятых она вернулась на историческую родину из далеких стран Латинской Амери-

ки. Родители ее, из местных зажиточных тавричан, сбежали с отступающими казачьими частями. Прошло время, и дочь их возвратилась. Советский Союз встретил ее цветами скучающих пионеров на автостанции и дежурными вопросами представителя местечковой прессы. Очередная статья о загнивающем капитализме и заблудших овцах «эмigrantше» бонусов не принесла. Дальше надо было жить и выживать. Она же профессии не имела, а имела лишь большое желание жить в справедливой стране, «где нет кровососов-капиталистов!»

Родители ее скончались. Добра они не нажили, работали в порту грузчиком и официанткой. В наследство оставили ей старый патефон да заезженные пластинки.

Без образования, но с хорошей фигурой, она могла выбирать: стать ли ей портовой проституткой или потерпеть и пристроиться на содержание к старичку-лесовичку из местных портовых авторитетов. Недолг век проститутки, да и содержанки выходят в тираж. Она была умной девушкой и выбрала Советскую страну. Слезы раскаяния в советском представительстве, рассказы об ужасах жизни на дне, и вот она уже возвращается на историческую родину. Впрочем, имя девушки быстро забыли. Пара статей затерялась в информационных потоках. Советская страна вышла в космос! Это было важнее для страны и для советского народа. Она не жаловалась. Ей даже выделили бесплатный угол в Доме колхозника – старой, заброшенной хате, где иногда ночевали залетные бичи.

Уже и то хорошо, что в нашей стране дали послабление всяким элементам, и оные потянулись на родину. Не всех, как видно, смогла перемолоть заграница. Многие в ту пору возвращались. Нонешняя же моя соседушка возвратилась в наши места, привезла с собой яркие туфли и платья, винтаж-

ный патефон, пластинки и хохляцкую хватку. А еще увлечение танцем. В молодости она была хороша, русые волосы носила распущенной гривой, и заграничный налет – шарм и стать дивы – все это вызывало у местных парней к ней влечение неодолимое. Она прозывалась Катариной. Местные девчата быстренько переименовали ее в Катрю и ненавидели лютой девичьей ненавистью. Катря же клала на всех с прибором и открыла в бывшей церкви, теперь клубе, платные курсы танцев. Занятия невиданными танцами получили широкую огласку в местности. На мероприятие подтянулись и соседские, и станичные. Парни шли гамузом, а их девчата бежали следом. Попробовав же заграничного искусства, девчата оттаивали сердцами. Перед Катариной винились за свою ненависть и начинали ее обожать. В освобожденном от святых угодников помещении теперь поселился дух танго. Он был страстен и нежен. Призывал к любви и взаимопониманию. Он был за близкие объятия, но без подлецких мыслей. Отвергал ханжество и разврат.

Вечерами скрипел патефон, и пластинки двадцатых годов щемящими голосами латинских исполнителей вещали о чем-то загадочном и для сельской местности даже запретном, о чем только догадывались парни, а девчата пунцовели в щеках. Катря же уроки вела бодро, дело свое знала хорошо, денег брала немного, давая возможность и необеспеченным заниматься танго. Уроки ее в сельском клубе – бывшей церкви – начинались с разминки. Она учила балансу и «ставила» спину. Потом все разбивались на пары и отрабатывали движения и связки. Катря учила их танцевать Канженге. Этот стиль танго, принесенный ее родителями из портовых кабаков, она знала и любила с детства. Канженге, чуть угловатый и прелестный Канженге, танцуемый в близком объятии. Он прекрасно ложился на менталитет местного населения.